

ства, вмѣсто этого приблизить насъ еще больше къ той-же самой Европе»...

Есть много любопытныхъ данныхъ въ дневникахъ кн. В. О. Одоевскаго, «Текущая хроника и особая проишествія», 1859-1869 гг. Заслуживаютъ вниманія и письма Победоносцева къ Е. М. Феоктистову (дубликація и комментарий I. Айзенштока). Интересна статья Б. Энгельгардта, Фрегать Паллада, написанная въ качестве введенія къ «Путевымъ письмамъ И. А. Гончарова изъ кругосветнаго плаванія», Изъ мелкихъ заметокъ въ этомъ томе нужно отметить прежде всего статью Л. П. Гроссмана «Гражданская смерть Ф. М. Достоевскаго», статью Л. Ужевскаго, Вокругъ «Обрыва». Д. Шаховской издалъ небольшую прокламацію (отрывокъ), писанную или списанную рукой П. Я. Чаадаева, 1848 г. Б. Бухштабъ далъ обзоръ «Литературное Наследство Фета». Въ концѣ тома по обычаю данъ обзоръ «новыхъ поступленій» въ архивы. Особо описанъ архивный фондъ б. Главнаго Управленія по деламъ печати (статья Л. Полянской).

За пять лѣтъ (съ 1932) въ вышедшихъ томахъ «Литературнаго Наследства» издано было много свежаго матеріала по исторіи русскаго общества и немало изслѣдованій по этимъ еще нетронутымъ документамъ. Отдельный томъ посвященъ Пушкинскому наслѣдству, особый томъ Гете, одинъ томъ XVIII-му веку, два тома Щедрину. Матеріалъ собирается, конечно, довольно пестрый и не всегда действительно ценный. Въ первыхъ томахъ, впрочемъ, было больше о Марксе, Энгельсе, Ленине. Последующіе томы превратились скорѣе въ историко-литературный архивъ стараго времени. Во вступительныхъ статьяхъ, а иногда и въ комментаріяхъ, все-же проводится партійная установка. Очень ценны библиографическіе обзоры по отдѣльнымъ писателямъ... Во всякомъ случаѣ «Литературное Наследство» слѣдуетъ признать очень полезнымъ изданіемъ.

Г. В. Ф.

Н. Н. Алексѣевъ. «Пути и судьбы марксизма». Изд. Евразійцевъ. 1936.

Эта небольшая книжечка делится на две части, равныя по объѣму, но неравныя по внутренней ценности.

Первая часть касается философіи Маркса и Энгельса, первоначальной и въ последующихъ ея наслоеніяхъ и видоизмѣненіяхъ у Маркса и Энгельса. Въ этой части работа очень содержательна и поучительна. Она даетъ сжатое, иногда только слишкомъ схематическое, но яркое и научно-объективное изложеніе элементовъ и напластованій, изъ которыхъ составилось то, что носитъ общее наименованіе марксизма.

Не будучи марксистомъ, Н. Алексѣевъ все же въ значительной мерѣ его реабилитируетъ: онъ прослеживаетъ глубинные истоки марксизма и вскрываетъ ограниченность и философскую поверхностность эпигоновъ Маркса, считающихъ себя служителями и жрецами его ученія.

На практикѣ, особенно въ Россіи, марксизмъ оказался отрицані-

емь гуманизма. Это не отрицает того, что в теории и в идеях марксизма был прежде всего учением о человеке. В центре общественного идеала Маркса стоит не принцип личности, а человек, не отвлеченный и мыслимый или родовой, а реально в истории данный, общественный человек.

Как Фейербах и Штирнер, Маркс вышел из Гегеля. Но он одинаково далек и от отвлеченной человечности Фейербаха, и от крайнего индивидуализма Штирнера. Н. Н. Алексеев ставит Маркса между «социальным номинализмом» Штирнера и «гуманитарным универсализмом» Фейербаха. Маркс говорит о «реальном гуманизме», отождествляя «гуманизм» с «материализмом» и «натурализмом» и противопоставляя их не только спиритуализму, но и идеализму.

Автор сближает учение Маркса о «творческой революции» с идеей «творческой эволюции» Бергсона. Вменяя в главную вину своим противникам — Фейербаху, Бруно Бауэру, Штирнеру — их анти-историзм, сам Маркс растворяет все и вся в потоке истории. Самую философию он подчиняет времени и практическим нуждам. Мир должен восприниматься, согласно «Тезисов против Фейербаха», не как объект созерцания, а как приложение человеческой активности. Философия имеет своим назначением не обьяснять мир, а его изменить.

Н. Н. Алексеев не останавливается и перед более сомнительной аналогией. В символик Маркса и в его взглядах на будущее общество с «преображенным человеком» и «человеченной природой» Н. Алексеев находит черты сходства с «гениальным безумием федоровской идеи» — о практическом воскрешении человека и построении совершенного общества по типу отношений отцовства и сыновства.

Можно — и должно — не соглашаться с этой аналогией, как и со всей философией Маркса. Нельзя, однако, не видеть, что у Маркса была своя философия, не сводимая к той плоской и пошлой элементарщинѣ, которую выдают за марксизм многие из тех, кто считают себя правоверными его последователями, как и из тех, кто его начисто отвергают.

Теоретический Маркс или марксова теория капитализма вовсе не связаны необходимостью с практикой марксизма и самого Маркса, формулированной им, в частности, в «Коммунистическом манифесте» 1847 г. Автор приводит ряд убедительных цитат, свидетельствующих о расхождении академического и революционного марксизма иногда до прямой антитезы. «В груди самих основателей марксизма всегда бились две души — душа теоретика, кабинетного человека, вечного посетителя Британского музея, пожирателя книг, и — душа революционера, бойца, вдохновителя масс, конспиратора, демагога». В этом, вероятно, и заключается секрет совершенно небывалого в истории успеха такой в общем сложной системы идей, какой является марксизм.

Повторяю, эта часть книжки Н. Н. Алексеева представляет тео-

ретический интерес и объективную ценность. Совсем другой характер носит вторая часть. Посвященная «эпигонам марксизма», она преследует практические цели: пропаганду евразийских идей применительно к судьбам марксизма в России и в связи с ними. Здесь марксизм эпигонов — «ленинизм» — характеризуется одновременно, как «перевернутый марксизм»: второстепенное в марксизме стало на первый план, а теоретически первостепенное заняло второе место, и — как «евразийская разновидность марксизма». А «средства», коими Сталин реализует свою систему, признаются «средствами в значительной степени самобытными, евразийскими».

Нам не кажется удачным такого рода сближение ленинизма и сталинизма с евразийством. Но нас это, в конце концов, мало касается. Более существенным представляется нам заблуждение, в которое впасть автор, следуя за официальной версией происхождения ленинизма и относя дату его рождения не к моменту возникновения империалистической войны, а к 1916 году, ко времени написания Лениным брошюры об империалистической стадии развития капитализма.

Достаточно взять «Тезисы» Ленина, выпущенный им от имени своего Ц. К. «манифест» и статьи о войне Ленина и его тогдашнего идеологического оруженосца Зиновьева, чтобы убедиться в том, что «ленинизм» родился до 1916 г., полностью дан уже в 1914-1915 гг.

Еще большее недоразумение — утверждение Н. Н. Алексеева, заимствованное им на вѣру у небезызвестного, но весьма и во всех отношениях малоавторитетного Александра трейдера, что советская система «по происхождению своему идея глубоко русская, довольно чуждая европейцам». Когда европейцы склонны поставить «Les Soviets» в прямую связь с «Ame Slave» и «selski mir», это еще куда ни шло*). Когда же утверждают такие «юристы» и «историки», как А. Шрейдер или Лидия Бахъ, — тоже не бела, но с ученого профессора можно потребовать доказательств. А доказательства Н. Н. Алексеев не привел, да и не мог бы привести. Ибо, помимо истории русского права, он отлично знает, что и в западной Европе возникали, в моменты массовых революционных движений, аналогичные советы — крестьянских депутатов в эпоху крестьянских войн, при Фоме Мюнцере, и солдатских и офицерских депутатов при Кромвеле. Знать, конечно, Н. Н. Алексеев и то, кѣм и как созданы были Советы в России еще в революцию 1905 г. Идейные отцы Советов менее всего руководились стремлением остаться верными самобытной русской традиции и крестьянской общине, с которой совершенно произвольно сближает Советы со* чувственно цитируемый Алексеевым покойный Шрейдеръ.

Не останавливаясь подробнее, я могу лишь указать на другие,

*) «Советъ всецело удовлетворяетъ исконнымъ желаніямъ и чисто-восточной потребности собираться для разглагольствованія», писалъ знаменитый Дюгамель въ своемъ «Московскомъ Путешествіи».

более чѣмъ сомнительныя, политическія утвержденія Н. Алексеева, вроде того, что — «Ленинизмъ и сталинизмъ безсознательно исполнили очень важную задачу — они спасли Россію (спасли ли, — расчетъ вѣдь еще не произошелъ?! — М. В.) отъ эксплуатаціи иностраннымъ капиталомъ»; или — «Уже въ самыхъ истокахъ ленинизма имеются нѣкоторыя россійскія патріотическія ноты, которыя, впрочемъ!», у Ленина соединены съ крайнимъ интернаціонализмомъ»; и т. д.

Свое изслѣдованіе марксизма авторъ заканчиваетъ утвержденіемъ, что марксизмъ въ Россіи уже выполнилъ свою историческую «евразійскую» роль, и ему не остается ничего, какъ исчезнуть. А когда онъ исчезнетъ, — «останется старая русская народническая идея построения народнаго, трудового, не капиталистическаго государства». Какъ тесно, идейно и организационно мы ни связаны съ народничествомъ, въ теченіе болѣе 30 лѣтъ, все же, по всей совѣсти, должно сказать, что то, что Н. Алексеевъ приписываетъ русскому народничеству, отнюдь не является монополіей послѣдняго. Построеніе народнаго, трудового, некапиталистическаго государства всегда было и сейчасъ остается достояніемъ демократическаго социализма во всехъ странахъ. И въ той мере, въ какой евразійство считается родствомъ — какъ намъ казалось, неосновательно, но самимъ евразійцамъ лучше знать, — съ ленинизмомъ и сталинизмомъ, оно само связываетъ свои судьбы съ судьбами выполнившего свою историческую роль Мавра, а не съ грядущимъ строителемъ.

М. Вишнякъ.

P. Milioukov, La Politique Extérieure des Soviets. — 2e Edition. Paris, 1936.

Вышедшая недавно 2-ымъ изданіемъ книга П. Н. Милюкова — книга поучительная и нужная. Она поучительна и нужна не только для иностраннаго читателя, но и для русскаго, который вынужденъ довольствоваться тѣмъ, что авторъ «Вишней политики Совѣтовъ» сказалъ на аналогичную тему въ 1-омъ томѣ своей «Россіи на переломе». Какъ ни схоже то и другое, «Совѣтская дипломатія и Третій интернаціональ» въ русскомъ изложеніи кончается 26-ымъ годомъ, тогда какъ во французскомъ изложеніи событія доведены до начала 36-го года...

П. Н. Милюковъ принадлежитъ къ той школѣ историковъ, которая убеждена въ существованіи «голыхъ» фактовъ, обладающихъ способностью говорить «сами за себя» или «сами собой». И въ данной книгѣ, подчеркиваетъ П. Н. Милюковъ въ предисловіи, «авторъ не доказываетъ определенной тезы, а слѣдуетъ за фактами и устанавливаетъ ихъ согласно ихъ линіи развитія», — Не будемъ спрашивать, достаточно ли такой описательной исторіи для проникновенія въ суть явленія и историческаго познанія? Признаемъ положительное и самостоятельное значеніе за возможно более полнымъ подборомъ к обзоромъ «голыхъ» фактовъ, независимо отъ того, какъ собранные